МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

УО «Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка»

Исторический факультет

**ЕВРОПА: АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРЫ.
ДРЕВНОСТЬ, СРЕДНИЕ ВЕКА,
НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ**

Материалы IX Международной научно-теоретической конференции

Минск, 10–11 ноября 2016 г.

Минск
РИВШ
2016

УДК 94(4):39(061.3)

ББК 63.5(4)

Е91

Рекомендовано
советом исторического факультета УО «Белорусский
государственный педагогический университет имени Максима Танка»
(протокол № 3 от 26 октября 2016 г.)

Р е д к о л л е г и я :

кандидат исторических наук доцент *А. В. Касович* (отв. ред.);
кандидат исторических наук доцент *С. П. Шупляк*;
кандидат педагогических наук доцент *А. А. Корзюк*;
кандидат исторических наук доцент *А. Ф. Великий*

Р е ц е н з е н т ы :

доктор исторических наук профессор *В. А. Феодосик*;
доктор исторических наук профессор *А. М. Лютый*

Е91

Европа: актуальные проблемы этнокультуры. Древность, средние века, новое и новейшее время : материалы IX Междунар. науч.-теорет. конф., Минск, 10–11 нояб. 2016 г. / Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка; редкол.: А. В. Касович (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2016. – 182 с.

ISBN 978-985-586-018-2.

В сборнике содержатся материалы по истории культуры Европы древних и средних веков, нового и новейшего времени. Освещаются проблемы этнокультуры, межэтнических и конфессиональных отношений, международного культурного и научного сотрудничества. Рассматриваются вопросы социально-экономического развития, молодежной политики, образования, взаимодействия в сферах искусства, науки и производства.

Адресуется студентам, магистрантам, аспирантам и всем, кто интересуется исторической наукой.

УДК 94(4):39(061.3)

ББК 63.5(4)

ISBN 978-985-586-018-2

© Оформление. ГУО «Республиканский институт
высшей школы», 2016

Mokslo ir ensiklopediju leidykla, 1993 - 402 p.

5.Lietuvos Metrika. Kniga 8 (1499 – 1514): Uzrasymu kniga 8 / Parengė A. Baliulis, R. Firkoviccius, D.Antanavicius. - Vilnius: Mokslo ir ensiklopediju leidykla, 1995 – 708 p.

СОСЛОВНАЯ СИСТЕМА В ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОМ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ

Е.Н. Сурта
БГПУ (Минск)

Западноевропейское общество XIV-XVI веков воспринимало себя в качестве сословного общества, то есть общества, разделённого на оформленные в иерархическую лестницу сословия, где каждый по рождению или в силу привилегий принадлежал к определённой конституированной обществом группе и на основании данной принадлежности обладал правом на монополизированный данным сословием социальный уровень и условия жизни. Каждое из сословий, как крупная группа общества обладала собственным правовым и материальным статусом, возможностями политического господства и собственной отличной от других групп общества сословной чёткостью. При этом сословный порядок нельзя свести ни к политическим, ни к экономическим интересам, социальная организация сословий не была также идентична современным представлениям о классах или союзах, в которых отдельные лица хотят коллективно представлять и реализовывать свои субъективные интересы. [1, с.181]

Ещё в период Высокого средневековья сформировалось конформное с социальным учением церкви представление о трёх неравных друг другу сословиях: сражающиеся-знать, молящиеся-духовенство и трудящиеся-крестьяне и горожане [1, с.176; 2, с. 33-37; 3, с. 20-26] Данный порядок воспринимался всеми сословиями как богоданный и богоугодный, и каждый должен был принимать предопределённое ему по рождению социальное положение. Подобная церковно-теологическая трактовка вполне соответствовала самосознанию отдельных сословий.

В «сословии» конституировалась центральная категория социальной организации позднесредневекового общества, отражавшая социально-культурные реалии того исторического периода. В средневековой Западной Европе повседневная хозяйственная жизнь, профессиональная деятельность осуществлялись в рамках сословных групп, сословные интересы контролировали и направляли рыночные процессы, а сословно-корпоративные институты гарантировали физическое и экономическое выживание. Однако, тем не менее, сословный порядок не являлся исключительным продуктом и следствием интересов феодальной экономики, он не был политической и экономической организацией, а охватывал и регулировал всю жизнь позднесредневекового общества. При этом речь шла не только о физическом выживании и материальном обеспечении, но также, прежде всего, о жизни, соответствующей позднесредневековым представлениям о чести и социальном статусе. Сословное общество и связанную с ним корпоративную систему невозможно понять без учёта культурной составляющей, так как обеспечение социальной экзистенции и сохранение чести были неотделимы друг от друга, поскольку одно обуславливало другое. [1, с.180-181] Позднесредневековое общество с его всё возрастающей иерархизацией и социальной дифференциацией формировалось в ходе обострявшейся борьбы за ресурсы между различными социальными группами во главе с феодальной знатью, что выражалось и в борьбе за социальный статус. [1, с.181]

«Сословие» являлось с одной стороны крупной социальной группой, состоящим из людей с равными или в определённой степени сходными правами, а, с другой, было сообществом тех, кто занимался сходной деятельностью и преследовал определённые интересы. Политическими и социальными правами человек обладал не как подданный или гражданин государства, а как член определённого сословия. И данное сословие он, как правило, не мог себе выбрать, он был в нём рождён. Его последующая жизнь определялась его происхождением и теми возможностями, которые дава-

ла ему его семья. Конечно, существовала возможность, как социального подъёма, так и опускания, так как сословное общество не было неподвижным, для него была характерна как горизонтальная, так и определённая вертикальная стратификация, но большинство людей оставалось до конца дней в той сословно-корпоративной группе, в которой они родились. [1, с.181; 5, с. 223] Сословно-корпоративная группа давала оптимальные шансы на выживание, обеспечивала безопасность и доход. Социальная ценность и статус отдельного человека определяли, прежде всего, не его индивидуальные умения и способности, даже если с ними считались в рамках соответствующего сословия, а его сословная принадлежность в качестве представителя феодально-рыцарского сословия, горожанина, крестьянина или духовного лица. Социальная честь человека определялась честью его сословия.

Социальный статус отдельных лиц в рамках сословно-корпоративной системы зависел от ряда факторов. Прежде всего, без сомнения значительную роль играло имущественное положение, к умножению которого постоянно стремились. При сравнении имущественного и социального статуса городского и сельского населения, можно увидеть, что доход и имущество не являлись первичной самоцелью, а были необходимы для ведения и поддержания определённого стиля жизни. Зажиточный крестьянин, который не обставил соответствующим образом свой дом, не устраивал обильных празднеств и не мог себе позволить лошадь, не считался зажиточным крестьянином. [1, с.181] Ремесленник, который не владел собственной мастерской, не мог дать соответствующее приданое своей дочери и не мог выставлять свои товары на рынке, не считался полноценным ремесленником в соответствующей сословно-корпоративной среде. Представитель знати, который не владел замком, не мог выезжать с соответствующей упряжкой лошадей и свитой или не мог носить дорогую одежду, имел проблемы с репрезентацией своего сословного статуса. [1, с.181-182] Требуемый от высших сословий и слоёв общества стиль жизни был дорогостоящим и материально затратным. Поэтому сословную честь невозможно было обеспечить и сохранять без определённых материальных ресурсов. Однако, с другой стороны, имущество как таковое не гарантировало хорошую репутацию или возможность социального подъёма. Например, в европейских городах в период Позднего средневековья и в XVI веке было немало богатых купцов, не получивших права городского гражданства. Социальную честь невозможно было купить. [1, с.182; 6, с.34-60]

Кроме того, социальный статус зависел от вида деятельности. В этом отношении определяющим в сословном обществе являлось то, был ли тот или иной человек причастен к правлению и управлению, судебной-правовой сфере, занимался ли он обучением или исполнением церковных обязанностей, торговлей товарами, обрабатывал землю или подметал улицы. При этом физический труд ценился значительно ниже, чем умственный. Здесь наблюдалась прямая связь - чем меньше кто-то занимался физической работой, тем выше был его социальный статус. Кроме того, определённые виды деятельности считались бесчестными на фоне «чистых» профессий. Особенно в ремесленной среде считавшиеся нечистыми виды деятельности табуизировались как бесчестное ремесло, приводя к социальной маргинализации тех, кто ими занимался. Так, например, хотя палач зарабатывал нередко больше чем уважаемый ремесленник, однако в социальной иерархии он находился в самом низу. [4, с. 157-163] Статус подмастерья был существенно ниже статуса мастера-ремесленника, а батрак в деревне не имел статуса полноценного крестьянина. [1, с.182]

Статус отдельного лица или сословия также зависел от степени его политического влияния. Политической властью, прежде всего, обладал тот, кто владел имуществом и имел соответствующий доход, однако не всякий богатый человек имел политический вес. [1, с.182] Например, зажиточные представители еврейского населения во многих западноевропейских городах в Позднее средневековье не имели ни прав городского гражданства, ни политической власти. Но также и большинство из тех, которые обладали правами городского гражданства, не имели серьёзной власти в городе, концентрировавшейся в руках ограниченной группы городского патрициата. Именно последние вместе с представителями высшей светской и духовной знати имели право участия в сословных органах и таким образом возможность политического влияния на государственном или территориально уровне.

Безусловно определяющим для социального статуса того или иного человека было также его происхождение, его семейная принадлежность и родственные связи. В течение всей своей жизни человек не только был связан с семейной традицией и честью семьи, но и всей своей деятельностью и статусом он был обязан своей семье. «Статус» был наследственным достоянием. Конечно, были и те, кто в силу особых обстоятельств не наследовал дело отца, например, принятие сана священника или уход в монашество, нобилизация, одворянивание купцов, что влекло за собой смену образа жизни. Особые возможности для социального подъёма уже в XV-XVI веках предоставляло образование. Но, как правило, того, кто родился в семье феодальной знати, сохранял связанные с его сословным статусом привилегии; тот, кто родился в семье ремесленника, оставался ремесленником; дети палача или еврея в течение всей жизни были исключены из «благочестивого» общества. Наряду с происхождением из семей знати, патрициата, ремесленника или купца, решающей была соответствующая семейная традиция. Достойные деяния также включались в традицию, как и недостойные. Бесчестное поведение, незаконнорожденность или банкротство могли привести к исключению из корпоративно-сословного сообщества, потере статуса и утрате семейной чести. [1, с.183]

Ну и ещё одним фактором, имевшим большое значение для социального статуса и непосредственно на него влиявшим, было социальное поведение. Семья соответствующее сословие, а также общество ожидали соответствующего общественному положению и корпоративной принадлежности поведения. [1, с.183] При этом в ремесленной среде и в среде знати сословному кодексу поведения придавали особое значение. Ни один ремесленник или купец не мог заниматься обманом или изготавливать бракованные изделия, не нанося вреда своей корпорации и своей сословной чести. Одновременно позднеренессансовое общество требовало соответствующей общественному положению одежды, позволяющей уже визуально идентифицировать социальный статус того или иного человека. Нежелание следовать корпоративным традициям и соблюдать сословно-корпоративные ритуалы расценивалось, как стремление избежать общества и его контроля, а несоблюдение соответствующей дистанции по отношению к низким слоям общества означало нарушение или утрату собственной сословной чести.

Требуемое благопристойное и почтенное поведение также включало определённые моральные требования, экономический статус и профессиональную деятельность, а также политические взгляды. Чем больше кто-либо соответствовал своим сословным требованиям, тем выше была его сословная и корпоративная честь. Так как знать и купечество могли лишиться гораздо большего, чем подёнщики или извозчики, то контроль и самоконтроль за соответствующим сословному статусу поведением был в их среде выражен сильнее, чем в низших слоях общества. [1, с.184]

Таким образом, социальный статус не только зависел от социального происхождения, экономического положения, политической власти, а также профессиональной деятельности и «уважаемости» профессии, но также и от субъективных взглядов и повседневного поведения. «Объективному» статусу, то есть определённой рождением сословно-корпоративной принадлежности следовало соответствовать и субъективно, то есть в своём повседневном поведении и отношении. Нарушение правил нередко жёстко каралось, поэтому порой требовалось прилагать немалые усилия, для того чтобы соответствовать собственному статусу. В позднеренессансовом западноевропейском обществе было недостаточно только обеспечивать себе доход, помимо этого требовалось демонстрировать свой материальный статус обществу, которое и конституировало социальное положение того или иного человека и обеспечивало ему общественное признание. Представитель знати, который внешне не презентовал себя как таковой, таковым не считался, представителя духовенства, который не носил рясу, не воспринимали как священника, ремесленник, не признававшийся в качестве такового, не мог заниматься своим ремеслом. Сокрывание собственного сословного статуса считалось не скромностью, а обманом. [1, с.184] Обязанность демонстрировать обществу своё занятие, своё имущество и свою сословную принадлежность было необходимо не только для сословной самоидентифи-

кации, но также являлось инструментом социального контроля и социальной стратификации. Сословный порядок, воспринимаемый как богоданный, в действительности представлял собой систему социального неравенства, в которой каждое сословие имело совершенно разные права и возможности. Каждый человек и каждое сословие были включены в достаточно четко структурированную иерархию, существовавшую не только в головах власть предержащих, средневековых юристов и теологов, но она также была ежедневно зрима и узнаваема для всех членов общества.

Литература

1. Dulmen, van R. Kultur und Alltag in der Fruhen Neuzeit / Zweiter Band: Dorf und Stadt 16.-18. Jahrhundert. – Munchen: Verlag C.H. Beck, 2005. – 374 S.
2. Oexle, O.G. Die funktionale Dreiteilung als Deutungsschema der sozialen Wirklichkeit in der standischen Gesellschaft des Mittelalters // Standische Gesellschaft und soziale Mobilität / Hg. W. Schulze. – Munchen: Oldenbourg 1988. – S. 19-51.
3. Oexle, O.G. Die funktionale Dreiteilung der Gesellschaft bei Adalbero von Laon. Deutungsschemata der sozialen Wirklichkeit im fruheren Mittelalter//Fruhmittelalterliche Studien; Jahrbuch des Instituts fur Fruhmittelalterforschung der Universitat Munster / Hg. von K. Hauck. – Berlin; New-York: Walter de Gruyter, 1978. – Bd. 12. – S. 1-54
4. Scheffknecht, W. Scharfrichter. Vom romischen carnifex bis zum fruhmezeitlichen Staatsdiener// Randgruppen der spaermittelalterlichen Gesellschaft./Hrsg. von Hergemoeller B.-U. – Warendorf: Fahlbusch Verlag, 2001. – S. 122-172.
5. Schubert, E. Mobilität ohne Chance. Die Ausgrenzung des fahrenden Volkes // Standische Gesellschaft und soziale Mobilität / Hg. W. Schulze. – Munchen: Oldenbourg 1988. – S. 113-164
6. Zunkel, Fr. Ehre, Reputation // Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / Hrsg. von Brunner O. [u.a.] – Stuttgart: Klett-Cotta, 1975. – Bd. II. – S. 1-64.

МЕЦ И БУРГУНДИЯ ВО ВРЕМЕНА ФИЛИППА III ДОБРОГО (1419-1467)

Д.Н. Черкасов
БГЭУ (Минск)

Процесс формирования Бургундского государства в XIV–XV вв. на пограничье Франции и Священной Римской империи был тесно связан с проблемой обеспечения единства территорий, находившихся под властью герцогов Бургундских. Ключевую роль в этом вопросе постепенно стал играть регион Лотарингии, представлявший собой конгломерат светских и духовных сеньорий (герцогства Лотарингия и Бар, графство Водемон, епископства Мец, Туль и Верден, города-государства Мец, Туль, Верден и другие, более мелкие владения). В этой связи представляется важным рассмотреть взаимоотношения Бургундских герцогов и Меца, одного из крупнейших городов на западных границах Священной Римской империи, обладавшего политической независимостью и проводившего самостоятельную внешнюю политику. В период правления третьего герцога из династии Валуа – Филиппа III Доброго (1419–1467 гг.) отношения Бургундии и Меца становятся значимым фактором политической жизни франко-германского пограничья.

При Филиппе Добром задача установления надежных коммуникаций между бургундскими владениями на Севере (в Нидерландах) и на Юге (в герцогстве Бургундском и др. землях) стала приобретать особо острый характер. На последнем этапе Столетней войны, англо-бургундский союз, существовавший в 1419–1435 гг., обеспечил герцогу Бургундскому контроль над Шампанью, которая использовалась в качестве транзитной территории. В этих условиях налаживание тесных отношений с Мецем не являлось приоритетной задачей политики герцога Бургундского. Сам Мец, находясь в окружении герцогств Люксембурга, Лотарингии и Бара, не имея общей границы с бур-